

IVELISSE HOUSMAN

unseele

ИВЛИСС ХАУСМАН

неблагая

*Перевод с английского
Дарьи Ивановской*

POPCORN BOOKS
Москва

УДК 821.111
ББК 84(7Сое)-44
Х26

UNSEELIE
by Ivelisse Housman

Published in agreement with the author, c/o BAROR INTERNATIONAL, INC.,
Armonk, New York, U.S.A.

Печатается с разрешения литературного агентства Nova Littera SIA.

Все права защищены. Любое воспроизведение, полное или частичное,
в том числе на интернет-ресурсах, а также запись в электронной форме
для частного или публичного использования возможны
только с разрешения правообладателя.

Хаусман, Ивлисс.

Х26 Неблагая: роман / Ивлисс Хаусман ; пер. с англ. Д. Ивановской. — Москва :
Popcorn Books, 2024. — 432 с.

ISBN 978-5-6048364-5-3

Исилия Грейгроув выглядит в точности как ее сестра-близняшка Исольда...
вот только на самом деле она подменыш, которого феяри Благого Двора под-
кинули в колыбель к человеческому младенцу. Сили всегда знала, что не по-
хожа на других. Собственная непредсказуемая магия вынудила ее бежать вме-
сте с Исольдой из родного городка, стерев о себе все воспоминания. А из-за
неудачного ограбления сестрам пришлось отправиться на поиски сокровища,
тайна которого уходит корнями глубоко в историю людей и феяри.

Очень скоро Исилия с Исольдой поймут, что секреты феяри куда ценнее
золота. Но сможет ли подменыш укротить свою силу, чтобы защитить сестру
и саму себя?

УДК 821.111
ББК 84(7Сое)-44

© Дарья Ивановская,
перевод на русский язык, 2023
© Издание на русском языке, оформление.
Popcorn Books, 2024
Copyright © 2023 by Ivelisse Housman
Map copyright © 2023 by Ivelisse Housman
Cover Design © Mona Finden
Art Direction: Erin Craig

ISBN 978-5-6048364-5-3

Предисловие от переводчика

Это предисловие трудно начинать, потому что книга — необычна.

Аутизм — это то, о чем рядовой, нормотипичный читатель знает снаружи. Об аутизме можно почитать, составить представление по описаниям.

А можно прочесть книгу, написанную автором с аутизмом.

Ивлис Хаусман начинает свою историю с этого понятия в эпиграфе и заканчивает им в послесловии, риторически спрашивая, как рассказать об аутизме, не используя слово «аутизм». Читателю же остается само повествование. И именно оно помогает что-то понять об аутичных людях изнутри.

Вы не найдете в этой книге живописных пейзажей, сложных диалогов, замысловатых пассажей. В ней есть хороший, прочный сюжет — и очень, очень много личного мировосприятия. В ней — с избытком телесных ощущений, того самого невербального, что так сложно изучить и так трудно, почти невозможно сымитировать. Именно это делает «Неблагую» уникальным произведением.

Мир фейри, волшебных существ — это уже сложившаяся традиция, как мифологическая, так и литературная. У нее есть свои законы и каноны, своя механика и тенденции. Когда берешь в руки толстую книгу и видишь в ней слово «фейри», ожидаешь увидеть плотное полотно приключений, сшитых прочной нитью магии и волшебства. Фейри — это не феи из детских книжек и мультфильмов, фейри не порхают с цветка на цветок крошечными эфемерными всплесками волшебной росы. Фейри — это чистый эгоизм, и разница между ними только в том, вредят ли они людям походя, между делом, когда возникнет повод, или делают это постоянно, целенаправленно и жестоко. И если проводить параллели с авторской задумкой, то аутизм подобен магии фейри: он может просто немного мешать, может значительно портить жизнь, но от него никуда не деться. Остается только адаптироваться.

Эта книга позволяет ненадолго оказаться внутри аутичного мировосприятия, которое мешает безоговорочно принимать характерные для большинства людей жесты, модели поведения, правила общей игры, однако во многом держится за телесные, чувственные, тактильно-эмоциональные конструкторы. С непривычки может показаться, что автор уделяет слишком много внимания языку тела и невербальным составляющим происходящего — однако она именно так проживает саму себя, окружающий мир и придуманную ей историю. И детали — те самые физические ощущения, акценты на чужих гримасах, жестах, интонациях — только помогают лучше понять персонажей и главную героиню, особенную девушку, которая борется с собой, подстраиваясь под средние представления о правильном человеке, пока не поймет свою природу и не примет ее, а заодно и себя.

«Неблагая» показывает нам не мир магии и волшебства. Она дает понять, что те люди, которые кажутся нам странными, живут среди нас, и стоило бы сделать все возможное, чтобы они существовали не *среди* нас, а *вместе* с нами.

Д. Ивановская

*Детям вроде меня
и тем, кто помогает нам обрести свое место
в неприветливом мире, —*

да, Сэм, особенно тебе

*Сказки рассказывают о том, как феи крадут детей,
а вместо них оставляют двойников-нелюдей.*

*Говорят, что этих двойников выдавала странная манера говорить,
а то и вовсе молчать. Они то беспричинно плакали, то вообще
не выражали никаких чувств, изо всех сил пытаясь при этом
породниться с чуждым им миром. Фольклористы считают, что
такие сказки на самом деле посвящены детям с аутизмом —
потому могут считаться ранними свидетельствами того, что
аутисты давно среди нас.*

Но прежде нас называли подменышами.

Зачарованный лес

река Харроу

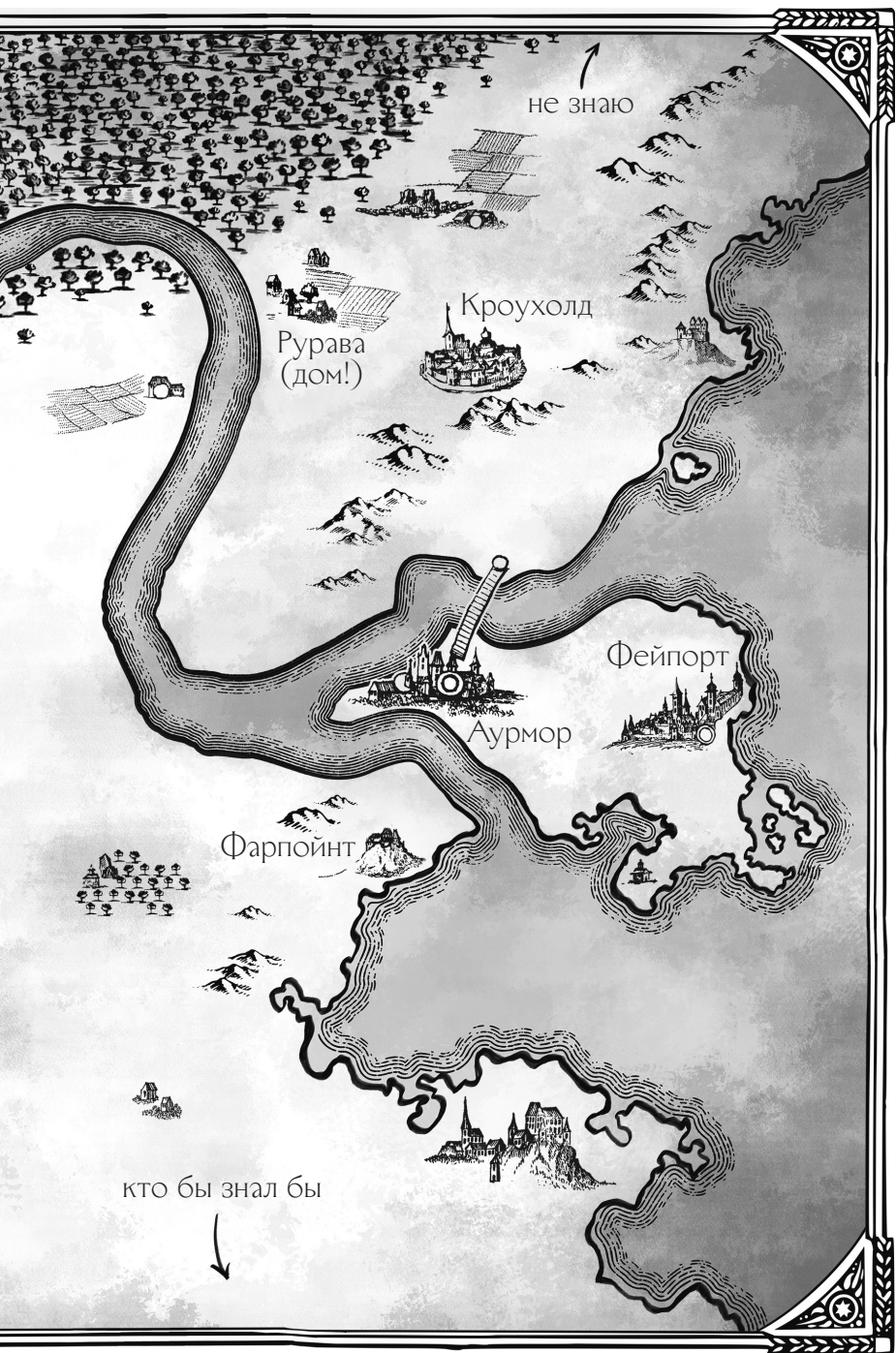
Западный хребет

Драконы земли

какое-то озеро

в основном развалины и мелкие поселения

???

не знаю

Руава
(дом!)

Кроухолд

Фейпорт

Аурмор

Фарпойнт

кто бы знал бы

ЧАСТЬ 1

Глава 1

В ту ночь, когда волшебный мир смыкается с нашим, случиться может что угодно, а желания исполняются, — но прямо сейчас я желала бы находиться дома.

Изо всех сил пытаюсь не отставать от своей сестры-двойняшки, проталкиваясь сквозь толпу. Ревелнокс, Ночь Пиршеств, — последний акт на сцене лета, когда день и ночь в восхитительном равновесии замирают на границе мира. В маленьких деревнях, где люди ведут спокойную и предсказуемую трудовую жизнь (*там, дома*, думаю я, преодолевая боль под ребрами), это означает, что сегодня детям разрешат лечь спать попозже, что на главных площадях разведут огромные костры, а вокруг полей разложат специальные подношения, чтобы фейри не напроказили. По такому случаю готовят особые сладости, выпивка льется рекой — да только все это веселье больше похоже на хлипкий намордник, прикрывающий острые зубы реальности. Одному ходить никуда нельзя, а тем более *нельзя* ходить в лес.

Во всяком случае, если хочешь оттуда вернуться.

Но тут, в городе — в Аурморе, настоящей жемчужине в развилке между руслами реки Харроу, — все совсем иначе.

Чтобы не потерять сестру, я буквально пробиваюсь через скопление лиц и наречий, сливающихся в сплошной поток цвета и звука. Дети на улицах зовут друг друга гулять, хотя именно *в эту* ночь им как раз нежелательно выходить куда-то без присмотра. Правда, за ними не то чтобы не приглядывают: такое впечатление, что все горожане вышли на улицы, несмотря на поздний час. Никуда не деться от перебивающих друг друга голосов, которые сегодня звучат особенно громко — громче и громче, усиливаясь согласно массовому подъему духа (и количеству выпитого). Все это пронизано музыкой, искрящей и вьющейся в воздухе.

Ну, хотя бы костры ничем не отличаются, и точно так же их треск вливается в общий шум. В каждом квартале города горит свой, а здесь, на Рыночной площади, все сияет золотом и брызжет весельем, вокруг — танцоры и аромат ярмарочных сладостей. Здесь ждут прихода *Сили*, Благого Двора, волшебного царства добрых намерений, порядка и вежливости — или по меньшей мере нейтралитета. Мешочки с солью и травами, предназначенные для отпугивания злых духов, качаются под факелами, которые разгоняют тьму и заливают белую каменную кладку ярким янтарным сиянием.

Сомневаюсь, что фейри Неблагого Двора могут испугаться смеси, которая, по сути, годится лишь в приправы к мясу, но вообще идея забавная.

Мы протискиваемся мимо мужчины в самодельной маске козла с загнутыми чуть ли не к затылку рогами. Вот еще одна важная деталь Ревелнокса: все надевают маски, и никто не осмеливается назваться своим настоящим именем. Ведь именно в эту, только в эту ночь среди нас ходят фейри — и чем меньше они о тебе знают, тем безопаснее для тебя.

Фейри веселятся вовсю: обычно их визиты в Царство Смертных выглядят как одиночные встречи с отдельными

людьми, чаще всего — в далеких лесных чащобах или на освещенных луной перекрестках. Для подменьшей — которые и не люди, но и не фейри, а что-то среднее — *бывают среди людей* не в новинку. Мы-то растем с ними рядом, и нас ненавидят именно за то, что мы почти такие же, как они, — но только *почти*. Многие, взрослея, находят обратный путь в царство фейри, однако меня туда никогда не тянуло. И у меня, и у моей магии история, так сказать, сложная, поэтому если считать, что Ревелнокс — это возможность максимально приблизиться к царству фейри, то ее мне более чем достаточно.

И кстати — хотя, может быть, совершенно некстати, — моей сестре-двойняшке сегодня семнадцать.

Я не уверена, что мы с сестрой родились строго в один день, потому что у подменьшей нет как такового дня рождения. Кажется, никто толком и не знает, откуда мы беремся. Я знаю лишь, что моя сущность не одно столетие просто парила где-то в облаках волшебной пыли.

А может быть, я вдруг соткалась прямо из воздуха ровно в тот момент, когда фейри вынула Исольду из колыбели, впиваясь в ее нежную медовую кожу тонкими острыми пальцами, чтоб подсунуть меня вместо нее.

Не знаю.

Зато я знаю, что с тех пор, как родители приняли меня, мы с Исольдой вместе праздновали каждый день рождения. Еще до того, как мы остались только вдвоем, были и подарки, и праздничный торт, а потом вечером мы сидели вместе на траве и считали звезды. На самом деле было не очень — как всегда в конце лета, когда все вокруг становится до тошноты слащавым, а потом рассыпается и крошится, — но какая разница?

Все равно я любила этот день больше остальных. А еще дата часто попадала на Ревелнокс.

Человек в козлиной маске перехватывает мой взгляд, на миг ослепляет меня белизной зубов и исчезает в толпе таких же закрытых лиц.

Я дрожу, вцепившись в руку сестры.

— Шумно, да? — бормочет Исольда, прижимаясь ко мне. Она неизменно вся в черном — от мысков потертых ботинок до кончиков блестящих волос.

Я киваю. Да, шум *громкий*, но каким-то образом этот переизбыток впечатлений даже успокаивает. Я твердо стою на брусчатке, и все тело ощущается более живым и цельным, чем прежде. Даже жар — от людей, от пылающего костра, от последних теплых выдыхов лета — приносит мне непривычную легкость вместо липкого чувства ничтожности.

Нет. Пусть я напряжена, но это всё из-за гудящей в воздухе магии, и ее вибрацию я не столько слышу, сколько ощущаю — будто возле шеи вьется комар. Вряд ли Исольда ее чувствует.

Технически, магия — часть меня. Она у меня в жилах, в крови фейри — и только нынешней ночью не считается опасной и запретной. Именно сегодня я могу смело быть той, кем вынуждена быть ежедневно. Может, поэтому мне настолько страшно — я ведь своими глазами видела, на что способна магия.

Я резко торможу, дергаю Исольду за руку, потому что прямо передо мной вдруг выскакивает дама с небрежно висящим на плечах маленьким красным драконом; дама отвлеченно бренчит на чем-то струнном и напевает песню, которая заставила бы покраснеть даже прожженного солдафона.

Сестра с размаху в меня врывается; приходится остановиться, чтобы поправить маски. Они у нас самые дешевые — прикрывают только глаза и скулы, а на голове держатся

с помощью хлипких ленточек. Зуб даю, что они сделаны из рябины — для защиты от фейри, — потому что лично у меня под ней все страшно чешется. Знакомое ощущение: на мгновение мне будто бы снова десять, и несколько таких же десятилеток держат меня, поочередно прижимая к моей коже амулеты из рябины и железа, а она вспухает волдырями.

Наваждение проходит, и я каким-то образом беру себя в руки, чтобы не сорвать маску.

Я поправляю ее, провожу по ней трясущимися пальцами и притягиваю к себе Исольду. Потом, несмотря на общий шум, в котором вряд ли кто-то способен меня услышать, как можно тише спрашиваю:

— Ты уверена, что все будет хорошо?

— Это же Ревелнокс, — успокаивает меня Исольда. — В поместье пусто, а все обязательно так напьются, что нас даже не заметят. Пока они сообразят, что мы там были, нас уже и след простынет. Правда, Сили.

Тут я остановлюсь и скажу: да, я в курсе, что у меня максимально неподходящее имя для той... кем я являюсь. Жаль, что родители об этом не подумали, прежде чем годовалая Исольда начала коверкать слово «Исилия», да так оно и прилипло.

Я колеблюсь, но возражать сестре у меня никогда особо не получалось. Порыв ветра сдувает с меня весь пыл, я расправляю плечи, зажимаю в кулак мягкий потрепанный край подола любимого платья.

— Тогда давай по-быстрому.

— Быстрее молнии, — отвечает Исольда.

Я взволнованно вглядываюсь в чистое черное небо, на фоне которого в воздухе пляшут сверкающие оранжевые искры костра.

Мы прокладываем путь вверх по реке, а вокруг виньетками хаоса вспыхивает мир.

Друзья и знакомые, крепко сцепившись руками, живой цепью движутся сквозь толпу, их пение смешивается с громким звучанием музыкальных инструментов. Кто-то машет флагами, швыряет в воздух цветы. Маленькая собачка с залихватским тявканьем хватается за ноги каких-то ребят, которым на вид едва ли есть тринадцать. Обычно унылые здания сегодня украшены цветочными гирляндами всех цветов радуги и маленькими флажками.

И еще — здесь феири.

Несмотря на то, что феири — важные гости на сегодняшнем празднике, они гуляют среди смертных практически незамеченными. Но ведь и я не вполне человек, и потому непроизвольно слежу взглядом за витающими над толпой сгустками света, а то и ловлю луговые ароматы в дыхании кого-то, промелькнувшего рядом. Я случайно встречаюсь взглядом с женщиной, чье лицо от скул и до самой макушки укрыто маской из перьев, — и вдруг цепенею от осознания, что это не маска.

Она подмигивает, кроваво-красные губы изгибаются в усмешке. Потом оборачивается и посылает воздушный поцелуй парочке гуляк, сидящих возле пивной за шатким деревянным столиком. Они увлеченно беседуют, как старые друзья, обхватив ладонями кружки и держась на таком расстоянии, чтобы наверняка не столкнуться коленями. Дыхание феири окутывает их, но тот, который как раз что-то говорит, ничего не замечает.

Зато его собеседница вдруг настораживается и застывает с каким-то странно голодным выражением лица.

Мое сердце замирает. Магия феири опасна, и я не представляю...